

А. А. Фет и журнал «Русское слово» (к вопросу о достоверности фактов, изложенных в воспоминаниях литератора)

1.

А. А. Фету как сотруднику журнала «Русское слово» не посвящено отдельного труда. Исследователи издания — Л. Э. Варустин и Ф. Ф. Кузнецов — в своих монографиях уделяют мало внимания участию литератора в журнале [см.: Варустин 1966; Кузнецов 1990]. Это объяснимо: советских литературоведов «Русское слово» привлекало прежде всего как революционно-демократический печатный орган, к которому Фет как представитель «чистого искусства» не имел прямого отношения.

В относительно недавней работе М. И. Трепалиной говорится о двух сотрудниках журнала: Я. П. Полонском и Фете. Участие поэтов обсуждается на материале их переписки [см.: Трепалина 2000]. В настоящей статье мы тоже обращаемся к истории сотрудничества Фета с «Русским словом», но делаем это, основываясь на его сочинении «Мои воспоминания». Фрагменты мемуаров, в которых автор повествует о событиях, разворачивавшихся вокруг журнала и его владельца — графа Г. А. Кушелева-Безбородко, мы, как и любое другое воспоминание, подвергаем сомнению. Сравнивая текст Фета с письмами и воспоминаниями его современников, а также архивными документами, мы хотим отделить достоверную информацию от противоречивой. При этом наш подход не предполагает обвинений Фета в необъективности, мы не исключаем, что у него могли быть причины трактовать события по-своему и изображать современников в неприглядном виде. Об этих возможных причинах также пойдет речь в нашей работе.

Фрагменты из «Моих воспоминаний» Фета мы стараемся рассматривать в том порядке, в котором они представлены в тексте литератора.

2.

Упоминание о журнале Кушелева-Безбородко встречается в пятой главе первого тома воспоминаний Фета. Рассказ об издательском предприятии графа Фет начинает так:

Решительно не припомню в настоящую минуту, кто, по просьбе больного и никуда не выезжавшего графа Кушелева-Безбородко, познакомил меня с ним. Желание Кушелева познакомиться со мною я объясняю тогдашнюю его фантазией издавать журнал, которому он дал название «Русское Слово» [Фет 1992: 130].

В указанном фрагменте Фет прямо подчеркивает исключительную заинтересованность графа в его фигуре, не наоборот. Однако если обратиться к материалам, относящимся к другим участникам тех событий, то можно обнаружить некоторые тонкости в деловых и личных взаимоотношениях поэта и издателя.

«Фантазия» графа издавать журнал, как выразился Фет, пришлось на конец 1850-х гг. Приглашение публиковаться в «Русском слове» поступило Фету не напрямую от графа, а от редактора Полонского, в обязанности которого входил поиск сотрудников. В письме от 24 апреля 1858 г. Полонский предложил Фету отдать в новый журнал перевод трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра»:

Если ты еще не продал свой перевод — «Антоний и Клеопатра», докажи, брат, свою независимость, продай оный в 1-ую книжку Русского Слова, журнал, который непременно выйдет 1 Января 1859 года под редакцией Кушелева и моей редакцией [Фет 2008: 594].

И сам Фет 8 мая 1858 г. писал Л. Н. Толстому, что пригласил его Полонский, а не Кушелев-Безбородко:

Недавно получил я письмо из Парижа от Полонского, в котором он у меня просит «Антония» для журнала, имеющего издаваться с 59-го года января, под редакцией, насколько я понял, Полонского, Григорьева и Кушелева-Безбородко. Имя журнала «Русское слово». Но так как у меня в мозгу опять Муза, то я отвечал, что до поры не мог сказать «Да» [Толстой 1978: 328].

Далее в мемуарах Фет пишет:

Я нашел в нем добродушного и скучающего богача, по болезненности прервавшего мало-помалу все сношения с так называемым светом, требовавшие известного напряжения. Всякое общественное положение, даже простое богатство требует от человека усилий, чтобы нести это вооружение к известной цели. Можно хорошо или плохо разыгрывать свою роль, но отказаться от нее совершенно — невозможно. Кушелев именно, как мне кажется, думал прожить одною своею великолепною обстановкою и при этом пришел к материальному и духовному банкротству [Фет 1992: 130—131].

Мы не беремся судить, по каким именно критериям Фет оценивал «духовное банкротство» Кушелева-Безбородко, но, опираясь на архивные документы, мы можем попытаться ответить на вопрос, могло ли так случиться, что граф обанкротился. При этом нужно иметь в виду, что для Фета банкротство — это утрата всего капитала, а не временная неспособность платить по долгам [см.: Фет 1992: 132].

В 1857 г., как было сказано, граф женился на Л. И. Голубцовой. Связь с этой женщиной, по свидетельству документов III отделения, повлекла большие траты [см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 94. 2-я эксп. 1864 г. Д. 757]. Об этом Фет тоже упомянул: «Говорили, что четыре раза в день модистки приезжали к графине с новыми платьями, а затем она нередко требовала то или другое платье и расстреливала его из револьвера» [Фет 1992: 131].

Фет неоднократно подчеркивает, что женитьба отрицательно сказалась на материальном положении графа:

— Извините, пожалуйста, — сказал он мне однажды в своем кабинете, что в настоящую минуту не могу вручить вам моего долга. Третьего дня я отпустил жену в Париж и был совершенно покоен, уплативши за нее в магазины сорок тысяч рублей. А сегодня утром неожиданно приносят еще счетов на семьдесят тысяч. Позвольте мне дня через три прислать вам мой долг [Фет 1992: 131].

Документы, хранящиеся в ГАРФ, подтверждают, что на содержание жены граф тратил много денег. Так в 1859 г. Кушелев отправлял по три тысячи рублей каждый месяц своей супруге, чтобы

та безбедно существовала во Франции. Этой суммы ей не хватало, она влезала в долги. В конце 1862 г. Кушелев-Безбородко сократил сумму содержания и стал отправлять супруге уже 12 тысяч рублей в год вместо прежних 36 тысяч. Вероятно, ситуация была действительно опасна для графского капитала, так как он прибегнул даже к распространению информации во французских газетах, что больше не несет ответственность за долги жены. Голубцова в свою очередь тоже не скрывала напряженность в отношениях с супругом, она предпринимала попытки жаловаться на графа самому императору. Не исключено, что это и стало причиной слухов о разорении Кушелева-Безбородко.

Банкротство, о котором написал Фет, косвенно подтверждается одним из воспоминаний дочери художника П. М. Боклевского — М. П. Лихаревой. Лихарева пишет, что траты Кушелева-Безбородко были настолько велики, что «говорили, он был взят в опеку за расточительство» [РГАЛИ. Ф. 939. Оп. 1. Ед. хр. 7: 34]. Еще один документ, который неявно указывает на то, что материальное положение графа было затруднительным, неожиданно обнаруживается в делах по изданию «Современника». В конторской книге редакции этого журнала есть запись о том, что в 1860 г. некто Кушелев вернул долг в размере 2500 рублей [см.: Некрасов 1997: 199]. У нас нет уверенности, что это именно Григорий Александрович, в это время еще был жив его брат — Николай Александрович. Однако сочетание этих двух свидетельств может говорить о том, что слова Фета о бедственном положении графа не были безосновательными. Но необходимы еще доказательства.

Фет продолжает: «Хорошо, если у виденного мною семилетнего белокурого мальчика, сына графа, остался насущный кусок хлеба» [Фет 1992: 132]. На неточность в этом фрагменте воспоминаний указал Полонский:

Прочел я в «Русском Вестнике» твои воспоминания и остался доволен... Может быть, потому что в твоих воспоминаниях замелькали передо мной знакомые лица. — Есть и промахи... У Графа Кушелева не было сына — а был сынишка у жены его от первого брака. (За Кушелевым она была уже в третий раз замужем.) Кушелев купил ее за 60 000 — у мужа (забыл его фамилию) и отнял, т. е. переманил ее от брата Николая, у которого она была любовницей [Фет 2008: 746].

Фет допустил неточность в рассказе об этих обстоятельствах из жизни Голубцовой: «Как я слышал, граф купил ее (Голубцову. — О. В.) у некоего К. за сорок тысяч рублей и, как видно, неразборчивая красавица, попавши из небогатой среды в миллионы, предалась необузданному мотовству» [Фет 1992: 131].

Фет-мемуарист был озабочен фигурой Кушелева-Безбородко и писал, что «бедный граф сначала прожил свое громадное состояние, а потом такое же, полученное по смерти брата» [Фет 1992: 132]. Н. В. Шелгунов вспоминал, что еще до смерти своего брата «Кушелев имел пятьсот тысяч в год доходу» [Шелгунов 1967: 130]. Выходит, что после смерти младшего Кушелева-Безбородко Григорий Александрович стал единственным наследником немислимого богатства. Мы нашли факты, которые указывают на то, что, даже если долги у графа и были, то к полному разорению он не пришел: в 1866 г. он согласился взять на себя новые долги жены в размере 300 тысяч рублей, кроме этого давать по шесть тысяч ежегодно на ее содержание и по две тысячи на содержание пасынка, а спустя десять лет выдать еще 100 тысяч рублей [см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 94. 2-я эксп. 1864 г. Д. 757].

Заслуживает внимания и такой фрагмент из воспоминаний Фета:

Тяжело было сидеть за обедом, в котором серебряные блюда разносились ливрейною прислугой, и к которому некоторые гости уже от закуски подходили в сильно возбужденном состоянии.

— Граф! — громогласно восклицает один из подобных гостей, — я буду просто тебя называть «граф Гриша».

— Ну что же? Гриша так Гриша, — отвечает Кушелев. — Что же это доказывает?

— А я просто буду называть тебя «граф Гришка»!

— Ну, Гришка так Гришка. Что ж это доказывает? — И так далее [Фет 1992: 133].

По собственному признанию Фета, в доме у графа он был только два раза. Мог ли поэт быть свидетелем описанного — проверить невозможно, но известно, что в литературных кругах у Кушелева-Безбородко была неоднозначная репутация, о чем на-

верняка было известно и Фету. Р. Г. Назиров приводит следующие цитаты из писем и дневниковых записей современников графа:

Тургенев в 1856 году писал Дружинину: «Кушелев мне кажется дурачком, — я его все вижу играющим у себя на вечере — на цитре — дуэт с каким-то итальянским голодным холуем...». Писемский в 1858 году сообщал тому же Дружинину: «...у меня уморительный казус вышел с дураком Кушелевым...». Благосветлов писал в 1859 году Попову: «Графа я никогда не считал выше глупого мальчишки...». И Елена Штакеншнейдер записывает 21 июля 1858 года в дневнике: «Что за человек Кушелев? И человек ли или полоумный?» [Назиров 1970: 116].

Заметим, что приведенные цитаты — фрагменты из личных писем, а не публичные признания в журнале. Это натолкнуло нас на закономерный вопрос: а был ли у Фета повод выставлять графа Кушелева-Безбородко перед читающей публикой в невыгодном свете? Попробуем дать на этот вопрос предположительный ответ.

3.

У Фета с Кушелевым-Безбородко были дела, которые так и не завершились: поэт хотел опубликовать в «Русском слове» еще один перевод трагедии Шекспира («Тимона Афинского») и на деньги графа издать сборник стихотворений. В феврале 1859 г. Фет сообщил родственникам: «Продал все издание в трех томах Кушелеву. Великолепное будет издание по 3 р. за экземп<ляр>. Мне он дает 2 т<ысячи> чистыми, а издание, кроме того, будет стоить до 5 ты<сяч>» [Фет 2008: 140]. В конце августа 1859 г. Фет просил Полонского: «Столкнись с редакцией и дай мне знать, берете ли вы “Тимона Афинского”, у меня он готов. <...> Узнай у Графа, располагает ли он осенью приступить к напечатанию моих всех стихотворений, как мы с ним об этом говорили? <...> И передай мой поклон Кушелевым» [Фет 2008: 601].

«Тимон Афинский» так и не был опубликован в «Русском слове». Это могло быть связано с тем, что в 1859 г. в шестой книжке «Современника» вышла статья «Шекспир в переводе г. Фета», где его перевод — «Юлий Цезарь» — был раскритикован [см.: Бухштаб 1974: 40—41]. Репутация Фета-переводчика пострадала.

Сборник стихотворений тоже не был издан. В июле 1862 г. Фет жаловался: «От Кушелева нет ответа. У нас на том и жизнь стоит, что обдирай сколько хочешь и ответу не будет» [Фет 2008: 313]. Вопрос о рукописях разрешился в августе 1862 г., т. е. спустя почти три года после договоренности об издании сборника. Во главе журнала стоял уже Г. Е. Благодетлов, реформировавший программу журнала не в пользу «чистого искусства». Рукописи Фету были возвращены Благодетловым с издательской формулировкой:

Граф Кушелев отказывается от изданий ваших стихотворений не вследствие социализма или коммунизма, а потому что находит невыгодным для себя предпринимать новые издания с запрещением «Рус<ского> слова», которое переходит в другие руки. Но Вы, конечно, не затруднитесь найти другого покупателя, потому что почитателей вашего таланта у нас много. Желаю Вам благоденствовать и петъ по-прежнему, что нисколько не мешает нашему социализму [Фет 2008: 601—602].

Таким образом, дело, на которое очень рассчитывал Фет, о чем свидетельствуют его письма, не состоялось. Это должно было очень рассердить и расстроить Фета, что впоследствии отразилось в грубом и даже оскорбительном тоне его мемуаров.

Мы допускаем, что спорные моменты и компрометирующие графа детали из его жизни могли быть связаны с тем, что Фет начал писать «Мои воспоминания» в 1887 г. (в письме от 3 (15) июня к С. В. Энгельгардт он сообщил: «Примусь, может быть, от скуки, в свободные от удушья часы, писать мемуары» [Фет 1988: 393]). Т. е. со времени событий, которые он описывает, прошло около 30 лет. Фету было уже 67 лет, мы не исключаем, что многое из прошлого он попросту мог забыть. Однако даже это обстоятельство не делает наши наблюдения необоснованными. Настоящая статья в очередной раз доказывает, что все воспоминания нуждаются в документальной перепроверке. В отдельных случаях она не позволяет до конца подтвердить или опровергнуть содержание мемуаров, но по крайней мере помогает обозначить «темные места». Прделанная нами работа показывает, что исследователи журнала «Русское слово» не могут опираться на «Мои воспоминания» Фета как на надежный источник.

СОКРАЩЕНИЯ

Бухштаб 1974 — *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет Очерк жизни и творчества. Л., 1974.

Варустин 1966 — *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Дюма 1993 — *Дюма А.* Путевые впечатления. В России: В 3 т. Т. 2. М., 1993.

Кузнецов 1990 — *Кузнецов Ф. Ф.* Круг Д. И. Писарева. М., 1990.

Назиров 1970 — *Назиров Р. Г.* Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 114—122.

Некрасов 1997 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 13. Кн. 2. Л., 1997.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Толстой 1978 — *Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями: В 2 т. Т. 1. М., 1978.

Трепалина 2000 — *Трепалина М. И.* А. А. Фети Я. П. Полонский в журнале «Русское слово» (на материале переписки 1850-х гг.) // А. А. Фет и русская литература: XV Фетовские чтения. Курск, Орел, 2000. С. 212—219.

Фет 1988 — *Фет А. А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988.

Фет 1992 — *Фет А. А.* Воспоминания: В 3 т. Т. 1. Репринт издания 1890 г. М., 1992.

Фет 2008 — А. А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 1. Серия: Литературное наследство. Т. 103. М., 2008.

Шелгунов 1967 — *Шелгунов Н. В.* Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 49—230.